ББК 63.3(Бел), 63.3(Лит), 63.3(2)44; УДК 882.6.09 + 871.09 + 875.09

Ж. В. Некрашевич-Короткая

СОБЫТИЯ И ЛИЦА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В. В ПАМЯТНИКАХ ЛАТИНОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

События, названные в российской историографии Смутным временем, относятся к началу XVII в. Однако Смута стала следствием глубочайшего политического кризиса в государстве и нравственного кризиса в обществе; истоки этого явления следует искать гораздо ранее, в предшествующих эпохах российской истории. Прекрасно написал об этом С. М. Соловьев, рассуждая о феномене Бориса Годунова, — подобно тому, как во времена Древнего Рима Саллюстий рассуждал о феномене Луция Катилины. Возможность начала Смуты, по мысли русского историка, заключалась в самом характере Бориса Годунова, «но продолжение ее и сильное развитие условливались другими обстоятельствами: болезнь прикинулась и сильно развилась в общественном теле, потому что тело это заключало в себе много дурных соков»[1]. Подобное понимание общественных настроений в Московском княжестве, оценки деятельности важнейших исторических фигур того времени эксплицировались в художественной форме поэтами соседнего государства — Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ). Зачастую этот материал, представленный в памятниках эпической поэзии, существенно дополняет те сведения, которые содержатся в документальных источниках.

Во второй половине XVI в. военно-политические отношения между Московским княжеством и ВКЛ обострились, и в первую очередь — в связи с притязаниями на область Ливонии (Инфлянт), что привело к затяжной Ливонской войне (1558–1583). Кроме того, после смерти последнего Ягеллона, короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Августа, вопрос о престолонаследии стал дополнительным стимулом для агрессивной политики Ивана Грозного. В историографии данный период представлен многочисленными письменными свидетельствами на разных языках и из разных источников,

[1] *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. IV. Т. 7–8. М., 1989. С. 377.

в том числе из произведений художественной литературы. Пожалуй, менее всего в связи с темой предпосылок и начала русской Смуты были востребованы памятники латиноязычной лиро-эпической поэзии ВКЛ, которые наиболее активно создавались именно в это время (в конце XVI – начале XVII в.) и в которых нашли отражение многие события российской истории. Если же принять во внимание тот факт, что объективность отображения событий является конститутивной жанровой характеристикой эпоса, то представленный материал может быть интересен не только литературоведам, но и историкам в контексте сопоставления с другими (документальными) источниками.

Материалом данного исследования являются памятники эпической поэзии, относящиеся к контексту полилингвистической литературы ВКЛ. Это в первую очередь поэмы, объединенные темой Ливонской войны: «*Panegyricus in excidium Polocense*» Базиля Гиацинта («Панегирик на взятие Полоцка», 1580), «*Hodoeporicon Moschicum… Christophori Radiwilonis*» («Описание московского похода… Христофора Радзивилла», 1582) Франтишка Градовского, а также «*Radivilias sive De vita er rebus... principis Nicolai Radivili*» («Радзивиллиада, или О жизни и подвигах... князя Николая Радзивилла», 1592) Яна Радвана.

Что же касается поэтических произведений, созданных в начале XVII в., то события, происходившие в Московском княжестве, почти не привлекли к себе внимания поэтов-эпиков соседнего государства. Скорее всего, это было связано с эстетической установкой художников: те события, которые разворачивались на «чужой» территории (в Москве), не могли стать основой и даже фрагментом эпического повествования для поэтов ВКЛ. В то же время агрессивная политика Ивана Грозного в отношении восточных (белорусских) регионов этого государства, а также Инфлянт, позволяла авторам расширять повествовательный контекст, вводя в него имена известных деятелей российской истории.

Главной исторической фигурой, привлекающей внимание писателей второй половины XVI в., стал великий князь Иван Васильевич IV (Грозный). Еще при его жизни стали появляться литературные описания преступлений тирана. Так, лютеранский пастор Пауль Одерборн (ок. 1555–1604), живший в 80-е гг. XVI в. в Полоцкой земле, издал в 1585 г. в Виттенберге трактат «*Ioannis Basilidis magni Moscoviae ducis vita*» («Жизнь великого князя Московского Иоанна Васильевича»). Уже в первых строках автор стремится заинтриговать читателя, привлечь его внимание посредством представления исключительного в своем роде человеческого воплощения зла:

> «Nemo umquam a nulla hominum memoria, ex his qui regia dignitate, vel insigniori libidine, Ioanne Basilide, adversus cives et exteros est usus; <…> Illo enim nemo durius cives oppressit, nemo atrocius et foedius hospites adflixit, nemo arridente fortuna adversus subiectos superbior et immitior fuit, cuius studia plena immanissimae inhumanitatis, truculentiae atque iniustitiae, ita in Sarmatia, in mundo, totaque Europa, atque Germania audiuntur, et damnantur, ut ubique terrarium nemo sit, qui tyranno infernalium tortorum supplicia optare non videatur; a quo Barbara vis, caedes, cruciatus, mors, fames, vastitas et dira malorum omnium incommode generi humano allata sunt»[2].

[2] Наш перевод: «Никто и никогда в памяти людской из числа тех, кто прославились королевским достоинством и титулом высшей власти, не проявлял большей жестокости и безграничного произвола в отношении сограждан и иноземцев. <…> Никто так бессердечно не угнетал граждан, никто так свирепо и мерзко не преследовал чужеземцев; никто, насмехаясь над судьбой, не проявлял себя более высокомерным и беспощадным в отношении своих подданных; настолько чудовищная бесчеловечность, грубость и несправедливость отличали его деяния, что люди в Сарматии, во всем мире, во всей Европе, а также в Германии услышали о них и осудили их; и казалось, что на всей земле не было больше никого, кто не просил бы в мольбах адских пыток для тирана; от него роду человеческому достались варварская сила, убийства, страдания, смерть, голод, опустошение и жуткие несчастья во всевозможных лишениях» (*Oderbornius P.* Ioannis Basilidis magni Moscoviae ducis vita… Witebergae, 1585. P. 13 n. n.).

Несмотря на то, что книга была опубликована уже после смерти Ивана Грозного, она имела огромный успех. Именно поэтому в 1586 г. Пауль Одерборн снова издал свой трактат, на сей раз в переводе на немецкий язык, имевшем характерное название: «*Wunderbare, erschrekliche, unerhörte Geschichte und warhaffte Historien, nemlich des nechtsgewesenen Grossfürsten in der Moschkaw, Joan. Basilides… Leben*» («Невероятная, ужасающая, неслыханная быль и правдивые истории, а именно жизнь предыдущего великого князя в Московии, Ивана Васильевича»).

Однако если в художественной прозе излагается преимущественно биографический материал и формируется картина событий того времени, то в памятниках эпической поэзии литературно-художественный контекст значительно расширяется за счет исторических параллелей, эмоционально-оценочных отступлений и характеристик, формирующих неофициальный, обывательский — а значит, по большому счету, народный — взгляд на происходящие события. Так, в «Панегирике на взятие Полоцка» Базиля Гиацинта не только сам Иван Грозный, но и его предшественники противопоставляются великим князьям литовским. Обращаясь перед началом битвы с армией Ивана Грозного к своим воинам, король вспоминает о преступлениях «отца тирана», московского князя Василия III, захватившего «*praeclara Smolensci castra Seuerensiaque arua*» («прекрасные укрепления Смоленска и северские земли»)[3]. Его же сын, Иван IV, разграбив Ливонию, «*gaudet adempta // vrbe Poloscorum, Russisque exsultat opibus // latro bonis*» («радуется тому, что отнял город полочан, радуется злодей русским богатствам»)[4]. Вспоминая героические времена князя Витовта, посредством эмоционального обращения короля Стефана Батория к воинам поэт стремится пробудить чувство гнева, желание отомстить ненавистному тирану, который «*praedone saeuior omni*» («хуже любого разбойника»)[5].

Позитивным противовесом московскому князю выступает Стефан Баторий. В передаче его обращения к войску поэт прибегает к типичному для барочной литературы приему — контрасту. Король вспоминает, что когда-то у предков литвинов не было даже мечей, и они, сражаясь обожженными пиками и палками из твердых пород дерева, были способны побеждать «меднодоспешные» отряды. Теперь же, возмущается монарх, «*adsunt hastilia, tela, pharetrae; // Inque hostem nec adhuc patriae prodibitis armis // Arreptis?*» («есть копья, стрелы, колчаны; но вы и дальше не будете выступать против врага с оружием в руках?»)[6]. Эмоциональное напряжение достигает наивысшей точки, когда король заявляет:

Reddere sollicitos si uos haec intima nolunt,
Me mea sollicitant, nec enim quod temnor ab hoste
Ferre queo patiens, ibo atque celerrimus ibo,
Regalique meum caput hoc diademate cinctum
Obiectabo libens morti, si regius iste
Legitimus sit honos, uelut est, uictoria certe
Nostra manet, stabit Rex, corruet ille Tyrannus [7].

[3] *Hyacinthius Vilnensis B*. Panegyricus in excidium Polocense... Patavii, 1580. P. 12 n. n.

[4] *Hyacinthius Vilnensis B*. Panegyricus... P. 12 n. n.

[5] Ibid.

[6] Ibid. P. 13 n. n.

[7] Перевод наш: «Если ваши сокровенные чувства не желают придать вам волнения, то меня они волнуют. Я не могу терпеть того, что враг меня унижает, и я пойду, пойду как можно скорее, я охотно подставлю смерти свое чело, увенчанное короной. Если королевская слава должна быть такой, какая она есть, то, несомненно, победа будет за нами; король выстоит, а тот тиран погибнет!» (Ibid.).

В этом и других фрагментах «Панегирика...» отчетливо сформулирован мотив московской тирании, ставший одним из литературных топосов конца XVI в. и представленный во многих произведениях. Так, в 1573 г. в Вильно был опубликован сборник стихотворений, посвященный трагическим событиям «варфоломеевской ночи» в Париже. В одном из стихотворений есть такие строки: «*Barbara nunc igitur gaude, Moscouia gaude, // Te superat turpi Gallia barbarie*» («Итак, радуйся же теперь, варварская Московия, радуйся: Галлия превзошла тебя в позорном варварстве!»)[8]. Таким образом, Базиль Гиацинт, разоблачая тиранию Ивана Грозного устами Стефана Батория, присоединяет свой голос к современным ему латиноязычным авторам из разных стран.

Поэма «*Hodoeporicon Moschicum… Christophori Radiwilonis*» («Описание московского похода… Христофора Радзивилла», 1582) Франтишка Градовского посвящена описанию смелой военной экспедиции польного гетмана Христофора Радзивилла, который вместе с отрядами смоленского воеводы Филона Кмиты предпринял в 1581 г. рейд к верховьям Волги, пройдя недалеко от Старицы, в которой тогда находился Иван Грозный. Вся поэма наполнена чувствами радости и ликования, стремлением высмеять попавшего впросак врага. Преисполненный чувством гордости за военные успехи соотечественников, автор начинает с риторического вопроса:

Tanta ne vos tenuit rerum fiducia, Mosci,
Vt nostros deinceps impune lacessere fines
Speretis, Litauosque nihil tentare potentes,
Vimque pati vestram secura mente putetis? [9]

В качестве ответа, обращаясь к мотиву изменчивости судьбы (игры Фортуны), Ф. Градовский сообщает о начале военного триумфа Стефана Батория. В связи с этим поэт иронически советует врагу позаботиться о своей обороноспособности:

En rerum fatisque vices, tibi maximus ille
REX Stephanus istas iam nunc deponere cristas
Incepit fere Mosce, tuos cinge aggere muros,
Tela noua, lapsas aeuo circumspice sedes,
Praesidiis oram firma, et munimine vallo,
Multiplica peditum turmas, equitumque cateruas [10].

Войску же ВКЛ, по мнению Ф. Градовского, об этом заботиться не нужно: «*auspice Christo // Qui nostrum sequitur tam iusta in praelia Regem*» («под защитой Христа мы идем за нашим королем на справедливую битву»). Поэт подчеркивает нравственный перевес литвинов — защитников своего Отечества. Неслучайно, по его мнению, за свои преступления ратники Ивана Грозного были лишены покровительства Христа.

[8] Illustrium aliquot Germanorum carminum liber… Vilnae, [1573]. P. 3 n. n.

[9] Наш перевод: «Неужели, московцы, вами овладела такая самоуверенность, что вы надеетесь безнаказанно нападать все время на наши земли и думаете, что литвины совершенно неспособны наносить поражение, что они будут без сопротивления терпеть ваше насилие?» (*Gradovius F.* Hodoeporicon Moschicum illustrissimi principis ac domini, domini Christophori Radiwilonis…Vilnae, 1582. P. 5 n. n.).

[10] Наш перевод: «О изменчивость событий и судеб! Славный король Стефан теперь уже начал сбивать с тебя это оперение, жестокий московец! Окружи валом свои стены, обнови оружие, осмотри кругом разрушенные временем укрепления, укрепи границу войсками и надежным заграждением, увеличь число пехоты и конницы» (Ibid. P. 5 n. n.).

Интересно, что и в «Хронике» М. Стрыйковского, как пишет В. Шевчук, московиты опосредованно уподобляются язычникам, не трактуются как христиане[11]. Можно предположить, что подобные апелляции появились в «Описании московского похода…» (да и вообще в латинской поэзии ВКЛ) не в последнюю очередь как полемическая реакция на теорию «Москва — третий Рим».

Типичное для жанра *hodoeporicon* (описания путешествия) перечисление географических пунктов — это у Ф. Градовского перечисление тех городов и местечек, которые удалось отвоевать у врага. Сами военные успехи литвинов должны выглядеть как подтверждение справедливости их притязаний:

Sussa tibi, Soccolla tibi, Polocia diues,
Vswatum, Velisumque tibi, Lucumque celebre
Ereptum est, Neuela etiam Zauolociaque ingens [12].

«Поэма Ф. Градовского, — пишет С. Ковалев, — насквозь проникнута мотивом отмщения, мотивом справедливого наказания московцев за все нанесенные литвинам обиды»[13]. В самом деле, поэт приводит слова Николая Радзивилла (отца Христофора), с которыми тот обратился к своему войску накануне Ульской битвы (1564): «*Haec est illa dies, mihi voto optata frequenti, // qua gens effudo dabit impia sanguine poenas*» («Это тот самый день, о котором я часто просил в молитвах, чтобы безбожный народ заплатил пролитой кровью»)[14]. Подобным образом, Христофор Радзивилл, обращаясь к союзникам, говорит: «*Nunc tempus <…> tot funera gentis // Lituanae vlcisci, meritasque reposcere poenas*» («Вот и [настало] время отомстить за такую великую погибель литовского народа, воздать заслуженную кару»)[15]. Явный смысловой параллелизм реплик отца и сына символизирует, с одной стороны, преемственность поколений «мстителей», с другой стороны — единодушие в стане войска ВКЛ.

Мотив мести, однако, оттеняется в поэме замечаниями о ее справедливости, о согласии небесных сил на то, чтобы московцы понесли наказание. Еще Николай Радзивилл так вдохновлял свое войско перед боем: «*Nil desperandum Christo duce, et auspice Christo / Eia agite*» («Не теряйте надежды, эй, идите под предводительством Христа и под опекой Христа»)[16]. С целью нравственного оправдания военного рейда Христофора Радзивилла Ф. Градовский описывает небесное знамение, явившееся перед войском Стефана Батория, идущего на Псков. Необычную игру красок и огней вслед за гетманом Радзивиллом берется растолковать некто «другой» (*alius*): он предсказывает, что «*Moschouias noua flamma domos absumet, et hostem // Fatali perdet, terrae Deus arbiter, igni*» («новый огонь поглотит московские дома, и Бог, судья над земными делами, уничтожит врага смертельным огнем»)[17]. То, что «авгур» не наделен никаким именем, кроме как «другой», скорее всего, служит указанием на его небесное происхождение.

[11] *Шевчук В. О.* Муза Роксоланська: Українська література XVI–XVIII століть: У 2 кн. Кн. 1. Київ, 2004. С. 132.

[12] Наш перевод: «У тебя уже отвоеваны Суша, Сокол, святой Полоцк, Усвят, Велиж, знаменитые [Великие] Луки, даже Невель и огромное Заволочье» (*Gradovius F.* Hodoeporicon Moschicum… P. 5 n. n.).

[13] *Кавалеў С. В.* Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнесансу: Манаграфія. Мінск, 2010. С. 223.

[14] *Gradovius F.* Hodoeporicon Moschicum… P. 7 n. n.

[15] Ibid. P. 23.

[16] Ibid. P. 7 n. n.

[17] Ibid. P. 13 n. n.

Таинственный божественный посланник, обращаясь к Николаю Радзивиллу, пророчествует о судьбе его сына:

Hunc iam Moschouios video volitare per agros
Igne, fame, flamma, ferro: radiare secures
Iam video, iam Basilidem sibi quaerere tutas
Aspicio latebras, iam tecta incensa domosque [18].

Все эти пророчества в скором времени сбываются. После нападения отрядов Христофора Радзивилла Иван Грозный не только вынужден был искать убежища: глядя на сполохи пожарищ среди ночи, он плакал и сетовал на свою жестокую судьбу[19].

«Описание московского похода…», насыщенное разнообразными батальными сценами, все же проникнуто искренним стремлением автора к миру. Еще в одном из начальных фрагментов поэмы, где описывается Ульская битва, «*pater Borysthenius*» («отец Днепр») гневно обращается к предводителю московского войска князю Серебряному, предлагая ему остановиться, не преумножать страданий собственного народа и повернуть назад[20]. В финале же, прервав песнь Муз, посвященную войне, поэт сам собирается слагать далее «*encomia pacis*» («хвалебные песни миру»): «*multis pax vna triumphis // Est potior: migrent alium fera bella sub axem*» («один мир лучше многочисленных побед: так пусть же свирепые войны перенесутся на другой край света»)[21]. Автор полагает, что стремление к миру — самый лучший способ выйти из конфликтной ситуации как для московцев, так и для литвинов.

Поэма отличается кольцевой композицией: она начинается с рассуждений об изменчивости судьбы и ими же завершается. Враг, беспощадно разоряющий вначале родной край, теперь, подобно схваченному за хвост дикому зверю, «*serpere discit humi, caudamque remittere supplex*» («учится ползать по земле, умоляя отпустить хвост»): «*Sic variat fortuna suis mutabilis alis*» («Так изменчивая фортуна все переиначивает своими крыльями»)[22]. В результате триумфального рейда отряда Николая Радзивилла по тылам московских войск Иван Грозный вынужден был подписать перемирие. Это, по мнению автора, и есть тот поворот судьбы, который стал результатом справедливого Божьего приговора.

Наиболее богатый и разнообразный материал, касающийся событий и участников Ливонской войны, представлен в героической эпопее «*Radivilias sive De vita er rebus... principis Nicolai Radivili*» («Радзивиллиада, или О жизни и подвигах... князя Николая Радзивилла», 1592) Яна Радвана. Различные события военной истории XVI в. представлены здесь как в ретроспективных обзорах, так и в их непосредственно хроникальном описании. В первой книге, рассказывая об отце Николая Радзивилла, Георгии, поэт упоминает о том, как в 1535 г. войско под его командованием освободило города Стародуб и Гомель. В контексте этих событий в поэме показан «*Ovcina ferox*» («жестокий Овчина»; *Radivilias I, 154* etc.[23]), т. е. Иван Овчина-Оболенский-Телепнев. Именно он

[18] Наш перевод: «Вот я вижу, как он пролетает по московским землям с огнем, голодом, пламенем, железом; вижу, как блестят боевые секиры, вижу, как [Иван] Васильевич ищет себе безопасное убежище, [вижу] подожженные кровли и дома» (Ibid.).

[19] См.: Ibid. P. 28.

[20] Ibid. P. 9.

[21] Ibid. P. 33.

[22] Ibid.

[23] Ссылки на текст поэмы даются по научному переизданию, подготовленному С. Нарбутасом: Radvanas Jonas. Radviliada; compiled, introductory article, commentaries and vocabulary of persons; translated from Latin into Lithuanian by Sigitas Narbutas. Vilnius, 1997.

изображается инициатором нового нападения на ВКЛ. В картине осады Стародуба автор чрезвычайно художественно описывает различные военные методики, в частности, использование взрывчатки для разрушения крепостных стен. Поэт искренне сожалеет о том, что «*in extremos cineres Starodubia praestans // Sedit, et aequa solo fumat, flos ille Seuerum*» («прекрасный Стародуб превратился в сплошное пепелище, исходит дымом, сравнявшись с землей, эта краса северцев»; *Radivilias I, 182–183*). Овчина, потерпевший поражение (его, плененного, выводят из города), удостаивается гневной тирады от автора:

Quis tibi nunc Ovcina videnti talia sensus?
Quidue animi? cum dejectas a culmine moles
Aspiceres, sparsosque ignes, clademque tuorum.
Quo nunc ille furor? quo vani pectoris orsus?
(*Radivilias I, 184–187*)[24].

Эти строки поэмы сопровождает следующая глосса: «*Owcina captus et 60 000 Moschorum capta, aut coesa*» («Овчина захвачен в плен, также 60 000 московцев захвачены либо убиты»). Интересно, что при первом упоминании Овчины Ян Радван сразу же сообщает о том, что он «*furtiuis hymenaeis // Reginae elatus*» («был возвышен благодаря тайной связи с царицей»; *Radivilias I, 154–155*). Скорее всего, уже в первой части поэмы автор готовит почву для полной и беспощадной деэстетизации образа Ивана Грозного во второй части. Действительно, информация о «незаконном браке», которым Иван Овчина-Оболенский сочетался с великой княгиней Еленой Васильевной (Глинской), встречается в исторических источниках. Более того, существует гипотеза о том, что Иван IV появился на свет именно в результате этой внебрачной связи. Возможно, Ян Радван считал эту информацию достоверной, и низкое происхождение Ивана Грозного стало для него дополнительным аргументом, чтобы изобразить его в исключительно негативном ракурсе.

Вторая книга «Радзивиллиады» открывается развернутой характеристикой Ивана Грозного. Автор не скупится на самые уничижительные эпитеты и метафоры для характеристики московского князя, который показан жестоким разрушителем и убийцей не только для соседних народов, но и по отношению к своим собственным подданным. По мысли Яна Радвана, Иван IV «*exuperans omnes infanda mente tyrannos*» («жестокостью души превзошел всех тиранов»; *Radivilias I, 30*). Поэт недвусмысленно показывает непосредственную связь Ивана Грозного с силами зла. Об этом он пишет еще в начале второй книги:

Credibile est Diras, aut si qua nocentior illis,
Gentibus est facies, monstrum genuisse nefandum,
Vberibus Stygiis Diras pauisse nocentes,
Et lac Tartareum Furias admosse recenti,
Sanguineaque siti cor et incendisse medullas
(*Radivilias II, 18–22*)[25].

[24] Наш перевод: «Что же ты чувствуешь теперь, Овчина, видя все это? Что происходит в твоей душе, когда ты смотришь сверху на руины, на горящий огонь и поражение твоих (людей)? Где же нынче (твой) столь великий гнев? Где замыслы пустого сердца?»

[25] Наш перевод: «Похоже, что фурии (ведь едва ли для всех тех народов кто-нибудь был более ненавистен) породили такого ужасного монстра и что эти преступные фурии выкормили его стигийскими сосцами, фурии поили (его) с детства тартарийским молоком, а кровавой жаждой распаляли сердце и душу».

Поэт с ужасающим натурализмом изображает всевозможные способы пыток, применяемые тираном, бесконечные бедствия, причиняемые им как своему, так и соседним народам.

Quid memorem insolitas coedes, et facta tyranni
Effera? Mactatos cives, primosque Senatus,
Obscoenasque dapes, lituos, mensasque cruore
Manantes? Aut quid viduatas civibus urbes,
Et desolatos iteratis coedibus agros.
Mortua quin etiam portis trabibusque praealtis
Corpora conjugibus ferus appendebat in ore,
Exuperans omnes infanda mente tyrannos
(*Radivilias II, 23–30*)[26].

Следует вообще заметить, что Ян Радван весьма точно осведомлен о событиях политической истории пограничного между Московией и ВКЛ региона. Известный литовский литературовед С. Нарбутас, автор нескольких книг, посвященных «Радзивиллиаде», и переводчик поэмы на литовский язык, выявил тесную фактографическую общность «Радзивиллиады» и «Хроники» Мацея Стрыйковского[27]. В первую очередь это касается описания места Ульской битвы 1564 г.[28] В связи с вышеупомянутой битвой называются обычно река Ула либо местечко Чашники, откуда и берут начало два известных в историографии варианта названия данной баталии (Ульская либо Чашницкая битва). Но лишь Мацей Стрыйковский четко указывает: «*Położył się tedy obozem Srebrny dwie mili od Orszej nad rzeką Kropiwną, a Sojski na Czasznickich polach w sielisku Iwańskim Burkołabowim*»[29]. Название «Иванск» встречается в «Радзивиллиаде» дважды: Ян Радван еще в экспозиции поэмы упоминает о триумфальной славе, пролетавшей «*per Evanscia rura*» («по иванским полям»; *Radivilias I, 26*), а затем при непосредственном описании Ульской битвы отмечает: «*Hac pugnata tenus sub Evansci limite bella*» («До нее (т. е. ночи. — *Ж. Н.-К.*) продолжалась битва в районе Иванска»; *Radivilias III, 594*). В этом месте текст оригинала сопровождает глосса: «*In campo Iuanscio nunc ingens aceruus ossium humanorum*» («На иванских полях и теперь [можно найти] огромное количество человеческих костей»).

Если художественная презентация Ивана Грозного отличается стремлением к гипертрофированной деестетизации, то другие московские дворяне изображены в «Радзивиллиаде» совсем иначе. Ян Радван никогда не противопоставляет гетману Радзивиллу воеводу Петра Шуйского, хотя именно последний (а не Иван Грозный) был реальным предводителем московского войска в Ульской битве. Говоря о том, что Петр Шуйский «*illustri ferrugine clarus*» («отличался выдающимся коричневым цветом»; *Radivilias II, 787*), Ян Радван, скорее всего, имеет в виду цвет его волос. Это одновременно средство и сопоставления, и противопоставления с главным героем поэмы — рыжеволосым

[26] Наш перевод: «Что мне припомнить? Неслыханные убийства и ужасные поступки тирана? Замученных граждан и сановников сената? Развратные пиры, трубные звуки и яства, полные крови? Что же еще? Города, лишенные жителей, земли, опустошенные бесконечными убийствами? Ведь он, дикарь, даже мертвые тела развешивал на глазах у супругов на высоких воротах и (потолочных) балках, превосходя испорченностью души всех тиранов».

[27] *Narbutas S.* Tradicija ir originalumas Jono Radvano «Radviliadoje». Vilnius, 1998. P. 27–54.

[28] См.: *Янушкевіч А. М.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1158–1570 гг. Мінск, 2007. С. 78–83.

[29] [*Stryjkowski M.*] Która przed tym nigdy światła nie widziała Kronika Polska, Litewska, Żmodzka i wszystkiej Rusi... Warszawa, 1846. T. II. S. 414.

гетманом Николаем Радзивиллом, известным в истории с прозвищем «Рыжий». Отношение Яна Радвана к Петру Шуйскому неоднозначно: поэт уважает его за военные заслуги, однако с большой долей иронии изображает его бегство после поражения в Ульской битве; яркими красками описывает сцену убийства воеводы одним из полоцких лесорубов, но глубоко лирично, с использованием образов Овидия, изображает его уход из жизни.

С. Нарбутас считает пацифистский настрой определяющей чертой художественной специфики произведения[30]. Так, легендарный певец Мусей, который показан в поэме как воспитатель юного Николая Радзивилла, не забывает пожелать своему ученику: «*Neu sic ventosae scandas fastigia famae, // speratis pacem ut cupias postferre triumphis*» («Не возносись излишне к вершинам ветреной славы, ведь тогда ты начнешь отдавать предпочтение желанным триумфам, а не миру»; *Radivilias I, 360–361*). В конце первой книги поэт декларирует невозможность уподобить своего героя полководцам былых времен, поскольку последние не одерживали «*nullos de pace triumphos*» («никаких побед мирным путем»), а гетману Радзивиллу это удалось: сжалившись над врагом, он убедил ливонцев подчиниться власти Сигизмунда II Августа и таким образом сохранить себе жизнь. В этих эпизодах, конечно же, содержится скрытое антитетичное сопоставление гетмана Радзивилла с князем Иваном Васильевичем. Другую сторону этого сопоставления (т. е. необузданное стремление московского князя к военной агрессии) поэт раскрывает во второй книге. Ян Радван показывает, что накануне Ульской битвы 1564 г. в душе Ивана Грозного «*insania Martis inarsit*» («разгорелось безумие Марса»; *Radivilias II, 744*). Стремление великого князя к войне поэт изображает как настоящую одержимость:

Bella ferox, mera bella, sonat, miscetque penates,
Luctificam exsomnis pugnam, stragesque requirit,
Turbidus, arma super: vultum ferus, asper, anhelans
Sanguineam torquens aciem, mora suscitat iras
(*Radivilias II, 745–748*)[31].

Противопоставлению двух военных предводителей служат и сравнения: если Николай Радзивилл сравнивается с прикаспийским тигром (*Radivilias II, 578*), то Иван Грозный — с разъяренным медведем (*Radivilias II, 354–364*) и умбрийским псом из свиты Дианы (*Radivilias II, 749–759*). Кроме того, если гетман Радзивилл часто изображается поэтом в тяжелых раздумьях о судьбах своего народа, в размышлениях о том, как избежать ненужного кровопролития, то Иван Грозный никогда такими вопросами не озабочен. Так, при виде огромного количества погибших во время захвата Полоцка в 1563 г. московских воинов «*saeuo gliscit violentia Moscho, // Ira, pudorque subit, totoque furentis ab ore // Scintillae absistunt*» («постепенно разгорается бешенство в душе безжалостного московца, (им) овладевает гнев и стыд, а из глаз одержимого (князя) вылетают искры»; *Radivilias II, 542–544*). После этого московский

[30] *Narbutas S.* Jonas Radvanas and his heroic epos Radivilias // Radvanas Jonas. Radviliada. Vilnius, 1997. P. LVI.

[31] Наш перевод: «“Войны! Настоящие войны!” — кричит он в бешенстве и оглашает (криком) чертоги. Лишившись сна, он стремится к приносящим горе битвам и к убийствам. В помешательстве (кричит): “Войны превыше (всего)!” С диким выражением лица, задыхаясь от бешенства, вращает налитыми кровью глазами; задержка (в войне) вызывает гнев».

князь в гневе начинает ругать и избивать своей палкой… святого Николая (речь идет, конечно же, об иконописном лике). Закончив это занятие, Иван обращается к высшим сановникам:

O Moschi semper inertes,
Et maleforte genus! Quis tantum copia fandi
Ventosa in lingua, quoties pugnare necesse,
At Mars in pedibus, fugitis me cuncta vidente?
Et passim caditis plebs immiserabilis ense.
At non in Bacchum segnes, cevereque lumbis,
Cum lyra, vel resonans induxit tibia saltus
(*Radivilias II, 556–562*)[32].

Эти строки в тексте оригинала сопровождаются глоссой «*Moschorum mores*» («Нравы московцев»). Однако в целом Ян Радван (в отличие, скажем, от Франтишка Градовского) не распространяет свою критику на всех подданых Ивана Грозного, на русский народ. Описывая бесконечные разрушения и пожарища, которыми сопровождалось вторжение московских войск в Ливонию, Ян Радван сочувствует как местным жителям, так и воинам — участникам сражения:

Abductosne gemas lugubris terra colonos,
Deletas acies, totis data funera campis?
Agmina bellandum juvenum, et sub Marte cadentum,
Impubesne fleas pueros terrore revictos?
Trux vultus pro vulnere erat, complexibus ipsis
Immoriebantur miseri: sic plurima veris
Dona cadunt, ventis si quando perhorruit aether
(*Radivilias II, 53–59*)[33].

Описание бедствий Ливонии завершается гневным обвинением в адрес московского князя: "*Haec tua sunt damna Ivane o saeuissime regum, // Qui vitio facinus, qui coedem coede piabasi*" (*Radivilias II, 71–72*) («Вот какой ущерб был из-за тебя, Иван, о свирепейший среди царей, // Ты искупал проступок злодеянием, убийство — убийством»).

Автор «Радзивиллиады» совершенно лишен каких бы то ни было иллюзий относительно возможности покаяния со стороны Ивана Грозного. В дополнение к процитированным выше словам о фуриях как кормилицах будущего тирана поэт в финал второй книги (*Radivilias II, 702–723*) вводит подробное описание одной из эриний, Алекто, которая в художественном контексте поэмы служит метафорой дьявольских сил вообще. Подтверждением тому служит сопровождающая эти строки глосса: «*Ivanum Satanas in bellum incitat et descriptio Satanae poetica*» («Сатана подстрекает Ивана к войне; поэтическое описание сатаны»). Упомянутое описание интересно не столько зарисовкой внешности существа из преисподней с традиционным клубком змей на голове и зловонием, которым сопровождается «*dira canis*» («проклятая сучка»), но в первую очередь

[32] Наш перевод: «О московцы, вечно бездеятельные, о трусливый народ! Кто еще обладает таким мастерством болтовни с легкомысленным языком — мол, сколько же еще нужно воевать? Марс (у вас) — в ногах, вы все бежите прямо на моих глазах! Затем вы погибаете от меча, о недостойная сожаления чернь! Но зато вы не ленивы в отношении Вакха и в том, чтобы вилять задом, когда звуки лиры или флейты заводят пляску».

[33] Наш перевод: «Плачь, несчастная земля, о захваченных в плен жителях, о разгромленном войске. Ты стала кладбищем на всем своем протяжении. Оплачь отряды юных воинов, погибших под властью Марса, а также маленьких детей, охваченных страхом. Картина разгрома ужасна; бедные (люди) умирали, обхватив друг друга — так первые дары весны опадают, когда воздух вздымается ветрами».

ее зловещим полетом над землями Московии. Конечный пункт этого «путешествия» вполне определен:

Moschas praeceps enauit ad Arctos,
Et summo Kitai stridens in culmine sedit,
Ter pavidas arces circumvolitavit, et alte
Tecta magisteriis auis importuna venenat.
Exin Moschorum in penetralia celsa tyranni
Intrat, et Ivano quem tum super horrida bella
Pectore fixa graui iamdudum cura premebat,
Vipereis unum vibrat de crinibus anduem
In medium pectus, serpens per membra volutus
Fit torquis rutilans, quem Vlodimirus ab hoste
Detraxit spolium: primos hoc tollere fasces
Omen habent Moschi Reges, hoc sceptra capessunt
(*Radivilias II, 720–731*) [34].

Глосса, сопровождающая эти строки, кратко излагает историю знаменитой шапки Мономаха: «*Torquis Vladimiri Monomachi, quem Graeco provocanti detraxit, duello congressus*» («Венец Владимира Мономаха, который он снял (с головы) приглашенного (им) грека, напав на него с войной»). Таким образом, Ян Радван прибегает к более широким обобщениям: высшая (царская) власть в Московии — тираническая в своей основе, ведь даже знак этой власти был приобретен путем коварства и насилия.

Итак, фурия проникает в души людей (в первую очередь, конечно, Ивана), «*tartareum inspirans sensum mentemque pererrans*» («внушая тартарический ход мыслей, проникая в душу»; *Radivilias II, 732*). Ян Радван утверждает, что именно фурия «нашептала» князю, чтобы он начал уничтожать своих подданых и даже «*armenturque manus in gnati fata parentis*» («взял оружие в отцовскую руку, чтобы убить (своего) сына»; *Radivilias II, 739*). Фурия внушила московскому князю желание «*assidua caleant de caede cruore penates, // mille viis celerum certetur, nec modus adsit*» («чтобы от ежедневных убийств дом был покрыт теплой кровью, чтобы он усердно стремился к тысяче различных преступлений и не знал (в этом) меры»; *Radivilias II, 740–741*).

И все же главным преступлением Ивана Грозного Ян Радван считает стремление к бесконечным захватническим войнам. Поэт-гуманист ужасается при виде многочисленных жертв как с одной, так и с другой стороны. Он искренне оплакивает московских ратников, павших в боях под Чашниками в 1564 г.:

Occidit Osiphus praestans Theodoria proles,
Sternitur et natus Scuntori trux Davides,
Horrendus claua juvenis, curvaque sarissa.
Cui medios inter pugnanti fortiter, ecce
Improvisa venit glans, quam non nunciat ante
Adventum stridor, quam candida pectora rupit.

[34] Наш перевод: «Вот она стремительно прибывает к московским Медведицам, и, стрекоча, садится на маковку Китая (=Китай-города), трижды облетает кругом охваченные страхом крепости и наполняет высокие хоромы смертельным ядом зловещих указаний. Затем она влетает в высокие покои тирана московцев, к Ивану, которого тогда, помимо ужасных войн, уже давно угнетала в душе неизменная забота; выпускает из змеиных щупалец одну змею в самое сердце; змея, извиваясь по членам, становится золотым венцом, который Владимир (= Мономах) стащил с врага как военный трофей: его как знак высшей власти носили московские цари, стремясь приобрести его как царское достоинство». Созвездия Большой и Малой Медведицы служили в латинской поэзии традиционным способом обозначения того региона, который на картах со времен Птолемея обозначался как «Сарматия» и «Скифия».

Vos quoque Palecii Litavis jacuistis in arvis,
Ivanus cum fratre Simone…
Te quoque Romani soboles praeclare Micyta,
Viderunt syluae morientem, glande recepta
Ad terram non sponte ruis, pars magna Senatus,
Alitibus data praeda jaces, miserande Micyta.
Dextera nec tua te Moschum fortissime Cosma,
Nec tua te Selivone feris assuete necandis,
Eripuit letho, nec te praeclare Demetri
(*Radivilias III, 515–522, 527–533*)[35].

Среди погибших упоминаются также братья Сила и Никита (Кунторовы). С горечью, сочувствием и искренним гуманистическим чувством поэт резюмирует: «*vestra parentes // lumina clauserunt nimio desecta dolore, // impubesque genas lacrymis sprasere caducis*» («родители в великой печали не закрыли ваших померкших глаз, а на щеки [ваших] детей не брызнут горькие слезы»; *Radivilias III, 539–541*).

Весьма позитивно изображен в «Радзивиллиаде» Андрей Курбский. Ян Радван подчеркивает благородность его происхождения («*auctorum descendens sanguine prisco // Russigenum*» («происходил из древнего рода праотцов русичей»; *Radivilias III, 729–730*), военный талант, отмечает, что князь заслуженно пользовался любовью народа. В «Радзивиллиаде» (*Radivilias III, 757–781*) присутствует поэтическое изложение письма Николая Радзивилла Андрею Курбскому, где гетман ВКЛ настоятельно рекомендует не служить далее «людоеду», который, по его мнению, вскоре несомненно расправится с талантливым сановником — таковы «*mores tyranni*» («нравы тирана»). Закономерно, что добродетельный (в изображении Яна Радвана) князь Курбский прислушался к совету Николая Радзивилла. Точно так же закономерно, что «многогрешный» Иван Грозный находит себе союзника в лице распутного датского принца Магнуса (в глоссе он иронично назван «ливонским Парисом»), совершившего много такого, «*bono haud cupienda, viro haud toleranda*» («к чему не должен стремиться и чего не должен допускать добродетельный муж»; *Radivilias III, 917*).

Ян Радван стремится подчеркнуть неоднородность (а следовательно — разобщенность) московского войска. Граждан соседнего государства поэт не воспринимает как единый народ: идентификационный термин «*Moschi*» («московцы») в «Радзивиллиаде» следует воспринимать как политоним. Поэт то и дело упоминает названия различных племен (чаще всего — мордву), представители которых входили в состав войска Ивана Грозного. Обещая юному королю Сигизмунду II прославить имя монарха многочисленными победами, Николай Радзивилл в своей речи создает своеобразный реестр этих племен:

Ante tuos oculos victae longo ordine gentes
Incedent, variae linguis, armisque virisque,
Et Casanum genus, et discincti Perreaslavi,
Rezaniique, sagittiferique Moromones, atque

[35] Наш перевод: «Уходит из жизни Иосиф, славный сын Федора (= Иосиф Федорович Быковский), падает на землю и сын Скунтора, свирепый Давид, юноша устрашающей наружности с дубиной и длинной загнутой пикой. Он храбро сражался в центре, но его настигла шальная пуля, и даже свист не предупредил о ее появлении, когда она разорвала прекрасную грудь. Также и вы, Палецкие, лежите на литовских землях, Иван вместе с братом Семеном… Леса увидели также, как умираешь ты, знаменитый сын Романа (= Никита Романович Одоевский): получив пулю, ты падаешь на землю в беспамятстве; ты был одним из первых в Думе, (а теперь) лежишь, сделавшись добычей птиц, о несчастный Никита. Ни твоя десница, о сильнейший среди московцев Козьма, ни твоя, Селивон, привычный к жестоким убийствам, не избавила (вас) от смерти; не (избавила) и тебя, о прекрасный Димитрий".

Rostouii, Tueriique truces, fortesque Sevieri,
Et manus Astrachanum spirantes pectore robur,
Extremique hominum, ad glacialia marmora Ponti
Errantes Duinae: magni populique ducesque
(*Radivilias I, 507–514*)[36].

Примечательно, что традиционный для героического эпоса реестр войск Ян Радван своеобразно организует в композиционном плане. Если реестр войска ВКЛ поэт помещает в последней, четвертой книге «Радзивиллиады», то выше приведенный реестр московского войска — в первой книге. Скорее всего, в самом начале автору важно сформировать у читателя представление о московцах как разобщенном, «рассеянном» народе. Вспомним, что соответствующее этимологическое толкование названия *Russia* встречается в трактате «*Rerum Moscovitarum commentarius*» Сигизмунда Герберштейна: московиты, по мнению австрийского дипломата, «*asserentes Rossejam antiquitus appellatam, quasi gentem dispersam, seu disseminatam: id quod nomen ipsum indicat, Rosseja etenim, Rutenorum linguā, disseminatio, seu dispersio interpretatur*» (заявляют, что Россея — это древнее название, как бы «разбросанный» или «рассеянный» народ; это и есть то, что означает само это название, ведь слово «Россея» с языка русинов переводится как «рассеивание» или «разбрызгивание»)[37]. Но у Яна Радвана представление о «рассеянности» жителей Московии наполнено политическим смыслом.

В то же время Ян Радван стремится подчеркнуть не только сплоченность войска Николая Радзивилла, но и в целом федеративный характер «Речи Посполитой обоих государств»[38], акцентируя специфику патриотизма граждан этого государства. Так, в описании осады Тарваста в июле 1561 г. упоминаются несколько польских шляхтичей из войска Николая Радзивилла: ротмистры Моджевский, Волминский, Клюковский (*Radivilias II, 250–281*). Но поэт не идентифицирует этих героев в их принадлежности к польскому народу: для него гораздо важнее то патриотическое чувство, которое объединило белорусов, литовцев, поляков и другие народы, защищавшие свое Отечество на полях Ливонской войны. Зато оппозиция «литвины» — «московиты» возникает в риторическом восклицании поэта, завершающем описание осады Тарваста: «*Sanguine Moschorum et Litavo ditabere posthac, // O nimium rigidis agitata Livonia fatis!*» («Кровью московцев, а затем и литовской кровью ты обогащаешься, о Ливония, терзаемая жестокой судьбой!»; *Radivilias II, 298–299*).

Как уже было отмечено в начале статьи, собственно события Смутного времени не нашли отражения в памятниках латинской эпики ВКЛ. Единственное исключение составляет героическая поэма «*Carolomachia*» (1606) Христофора Завиши[39], посвя-

[36] Наш перевод: «Перед твоим взором пройдут длинной вереницей побежденные племена, различные языками, оружием и воинством. Тут и племя казанцев, и неудержимые переяславцы, и рязанцы, и стрелоносные муромцы, и ростовцы, и суровые тверцы, и могучие северцы, и отряды астраханцев, дышащих силой, и жители окраинных земель, которые расселились от Двины до холодных вод моря, — великие народы и предводители».

[37] *Herberstein S.* Rerum Moscoviticarum commentarii… Basileae, 1571. P. 5 n. n.

[38] Целесообразность использования этого термина вместо широко известного «Rzeczpospolita obojga narodów» аргументирует в ряде своих работ В. Г. Короткий (см., например: *Короткий В. Г.* Литва, Русь, литвин, русин в памятниках литературы Великого Княжества Литовского XVI–XVII веков // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos. Vilnius 2009. P. 192–195).

[39] Большинство польских и литовских ученых придерживаются мнения, что Лаврентий Боер, профессор поэтики и риторики, приписал свое произведение Христофору Завише. На наш взгляд, аргументация по данному вопросу недостаточно убедительна (см.: *Некрашэвіч-Каротkая Ж. В.* Беларуская лацінамоўная паэма: Позні Рэнесанс і ранняе Барока. Мінск, 2011. С. 144–153.

щенная победе войска под командованием гетмана Яна Кароля Ходкевича над шведским войском Карла IX в 1605 г. под Кирхгольмом (сейчас — Саласпилс в Латвии). Само название поэмы, которое переводится как «Битва двух Карлов», предопределяет использование противопоставления как основного художественного приема. Характеристику главным действующим лицам в этом барочном произведении зачастую дают реки. Так, Двина, отвечая королеве Балте, любующейся шведским войском, выступает со следующей речью:

… certissimus ille triumphi,
Huc sese extreme rem tentaturus agebat,
Externis opibus bene fultus et aere Borissi
Hodoni, infesti Litauis gentique Polonae,
Praestitae opis, fidei, iusti ac tutaminis ergo,
Conanti solium DEMETRIO adire paternum:
Quod felix, sic o Superi vuluistis, adiuit,
Moschouiae, Hodono victo, ditione potitus.
Consortem thalami sibi destinat ille Polonam,
Relligione pia, praestanti corpore nympham,
Illustri genitore satam, de stirpe MNISEKum,
Clara palatino quo SENDOMIRIA gaudet [40].

В процитированном отрывке противопоставление Лжедмитрия (трактуемого как законного престолонаследника) «московскому тирану» Борису Годунову вводится как художественная подсветка для более выразительной презентации основного противопоставления — Яна Кароля Ходкевича (трактуемого как освободителя для многих народов) «шведскому тирану» Карлу IX. Последний, как и царь Борис, обладал большей по сравнению с соперником (гетманом Ходкевичем) армией, но его войско было разбито в 1605 г. под Кирхгольмом. Таким образом, автор «Кароломахии», как и автор «Радзивиллиады» акцентирует нравственный аспект разыгравшихся военных событий. Победа гетмана Радзивилла под Иванском (на Уле) в 1564 г., гетмана Ходкевича под Кирхгольмом в 1605 г., а также войска Лжедмитрия над войском князя Ф. И. Мстиславского под Новгородом Северским в 1604 г. трактуется как победа свободы над тиранией, и такая победа предопределена небесами.

Ключевые исторические фигуры российской истории конца XVI – начала XVII в. упоминаются в поэмах на латинском языке не просто как свидетельство общей эрудиции автора. Поэты ВКЛ часто стремятся дать оценку их личности и результатам их деятельности, что, в свою очередь, формирует своеобразное рецептивное поле — взгляд со стороны ближайшего соседа. Все это повлияло на изменение «горизонта ожиданий» (термин Х. Р. Яусса) читателей не только в ВКЛ и Польской Короне, но и в других странах Европы. Тема московской тирании становится одним из литературных топосов конца XVI в. Отмеченная художественная ситуация свидетельствует о глубоких пере-

[40] Наш перевод: «Он (т. е. Карл IX), рассчитывая на победу, был готов прибегнуть к любым средствам. Он был хорошо обеспечен иностранными деньгами и оружием Бориса Годунова; последний же был врагом литвинам и польскому народу, причем имел превосходство в (военной) силе, был уверен (в победе) и имел надежную защиту. Но когда Димитрий попытался взойти на престол отца, он благополучно взошел — так вы, о боги, захотели, — захватил власть в Московии, победив Годунова. Он избрал себе в спутницы жизни польку, чрезвычайно набожную девицу необыкновенной красоты, дочь благородного отца, из рода Мнишек: ему, воеводе, радуется знаменитый Сандомир» (*Zawisza Ch*. Carolomachia 1432–1443; научное переиздание памятника см.: *Boierus L*. Carolomachia = Laurencijus Bojeris. Karolomachija. Vilnius, 1991).

менах, произошедших в русском обществе. Именно эти перемены, общая деградация духовной атмосферы в Московском государстве, создали благодатную почву для политических интриг, которые в конечном итоге и привели к Смуте.

Данные о статье

Статья подготовлена при содействии Фонда имени Александра фон Гумбольдта (Германия), Фонда поддержки обмена в области образования (Литва), а также Фонда фундаментальных исследований при Национальной Академии наук Беларуси.

Автор: Некрашевич-Короткая, Жанна Вацлавовна, кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры истории белорусской литературы Белорусского государственного университета (Минск), ulad_karotki@mail.ru

Заголовок: События и лица российской истории второй половины XVI – первой половины XVII в. в памятниках латиноязычной поэзии Великого княжества Литовского

Резюме: В связи с темой предпосылок русской Смуты рассматриваются памятники латинской эпики Великого княжества Литовского конца XVI – начала XVII в. (поэмы Базыля Гиацинта, Франтишка Градовского, Яна Радвана, Христофора Завиши). В этих произведениях, почти не востребованных в славяноязычных исследованиях предшествующего периода, отражаются важнейшие события российской истории конца XVI в., дается оценка деятельности Ивана Грозного, Андрея Курбского, Петра Шуйского, Бориса Годунова. Наиболее богатый материал, связанный с периодом Ливонской войны, представлен в героической эпопее Яна Радвана «Радзивиллиада» (Вильня, 1592). В названных памятниках красной нитью проходит тема московской тирании: в поэмах XVI в. ее воплощением выступает Иван Грозный, в поэме начала XVII в. («Кароломахия» Христофора Завиши) — Борис Годунов. Отмеченная художественная ситуация свидетельствует о глубоких переменах, произошедших в русском обществе; именно они стали внутренней предпосылкой Смуты.

Ключевые слова: латинская эпическая поэзия, Великое княжество Литовское, Иван IV Васильевич (Иван Грозный)

Литература, использованная в статье:

Кавалеў, Сяргей Валер'евіч. Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнесансу. Мінск: Кнігазбор, 2010. 376 с.

Короткий, Владимир Георгиевич. Литва, Русь, литвин, русин в памятниках литературы Великого Княжества Литовского XVI–XVII веков // Bibliotheca archivi lithuanici. № 7: Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos; [sudarė Sergejus Temčinas, Galina Miškinienė etc.]. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2009. P. 187–195.

Некрашэвіч-Кароткая, Жанна Вацлаваўна. Беларуская лацінамоўная паэма: Позні Рэнесанс і ранняе Барока. Мінск: БДУ, 2011. 231 с.

Шевчук, Валерій Олександрович. Муза Роксоланська: Українська література XVI–XVIII століть: У 2 кн. Кн. 1: Ренессанс. Раннє барокко. Київ: Либідь, 2004. 400 с.

Янушкевіч, Андрэй Мікалаевіч. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск: Медисонт, 2007. 356 с.

Information about the article

This article was prepared with the assistance of the Alexander von Humboldt Foundation (Germany), the Foundation for the Education exchanges support Foundation (Lithuania) and the Foundation for Fundamental Research of the National Academy of Sciences of Belarus.

Author: Nekrashevich-Karotkaja, Zhanna Vatslavauna, Doctor in Philology, Ass. Prof. of Belarusian State University, ulad_karotki@mail.ru

Title: Events and persons of the Russian history of the second half of the 16th – early 17th centuries in the works of Latin epic poetry of Great Duchy of Lithuania

Summary: The works of Latin epic poetry of the Grand Duchy of Lituania of the second half of the 16th – early 17th centuries (the poems of Basilius Hyacinthius, Franciscus Gradovius, Ioannes Radvanus, Christophorus Zawisza) was viewed and analyzed in connection with the subject of premises of the Time Troubles in the Russian history. These poems, which are almost not involved as an object of study in the Slavic language scientific works of the previous period, reveal the most important events of the Russian history of the late 16th century. The Latin authors seek to estimate the activity of Ioann IV (known as Ivan the Terrible), Andrew Kurbskiy, Piotr Shuyskiy, Boris Godunov. The richest information, that is related to the Livonian War, is represented in the heroic epic *Radivilias* of Ioannes Radvanus (Vilna, 1592). In these works permeates the topic Moscow tyranny: in the poems of the 16th century its embodiment performs Ivan the Terrible, in the poem of the early 17th century (*Carolomachia* of Christophorus Zawisza) — Boris Godunov. The represented artistical situation indicates a profound change in Russian public, they were the domestic preconditions of Time Troubles.

Key words: Latine epic poetry, The Grand Duchy of Lithuania, Ivan IV Vasilyevich (Ivan the Terrible).

References

Kavalev, Syargei Valerievich. *Shmatmovnaya paeziya Vyalikaga Knyastva Litovskaga epohi Renesansu* [*Multilingual poetry of the Grand Duchy of Lithuania in the epoch of the Renaissance*]. Minsk: Knigazbor, 2010. 376 s.

Korotkii, Vladimir Georgievich. Litva, Rus', litvin, rusin v pamyatnikah literatury Velikogo Knyazhestva Litovskogo XVI–XVII vekov [Litva, Rus', litwin, rusin in the literature og the Grand Duchy of Lithuania in the 16th – 17th cent.], in *Bibliotheca archivi lithuanici*. 2009. Nr. 7. P. 187–195.

Narbutas, Sigitas. Jonas Radvanas and his heroic epos Radivilias, in *Radvanas Jonas. Radviliada*. Vilnius: Vaga, 1997. P. LII–LVI.

Narbutas, Sigitas. *Tradicija ir originalumas Jono Radvano «Radviliadoje»*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998. 264 p.

Nekrashevich-Karotkaya, Zhanna Vaclavavna. *Belaruskaya lacinamovnaya paema: Pozni Renesans i rannyae Baroka* [*Byelorussian Latin language poetry: Late Renaissance and Early Baroque*]. Minsk: BDU, 2011. 231 s.

Shevchuk, Valerii Oleksandrovich. *Muza Roksolans'ka: Ukrains'ka literatura XVI–XVIII stolit': U 2 kn. Kn. 1: Renessans. Ranni barokko* [*Roksolan Muse: Ukrainian literature in the 16th – 17th cent.: Renaissance and Early Baroque*]. Kiev: Libid', 2004. 400 s.

Yanushkevich, Andrei Mikalaevich. *Vyalikae Knyastva Litovskae i Inflyanckaya vaina 1558–1570 gg.* [*Grand Duchy of Lithiania in the Livonian War 1558–1570*]. Minsk: Medisont, 2007. 356 s.